

ФАВОРИТ

ГЛАВА 1

Я дышал конским потом и сыростью. В ушах стоял топот галопирующих копыт, звяканье подков, изредка ударяющихся друг о друга. Позади меня, вытянувшись в линию, скакала группа всадников, одетых так же, как я, в белые шелковые брюки и двухцветные камзолы, а впереди в тумане, ярко выделяясь своим красно-зеленым костюмом, виднелся только один жокей, поощрявший лошадь перед прыжком через березовый забор, который темнел у него на пути.

В сущности, все складывалось так, как и ожидалось. Билл Дэвидсон в девяносто седьмой раз выигрывал скачку. Его гнедой Адмирал доказывал, что остается лучшей скаковой лошадью в королевстве. А я — что же, мне не привыкать — в течение нескольких минут любовался Биллом и его лошадью, увы, только со спины.

Передо мной напрягся, сжался и взметнулся в воздух могучий гнедой круп: Адмирал взял препятствие без всякого усилия, как, впрочем, и положено поистине великому мастеру. И когда я потянулся за ним, он выиграл у меня еще два корпуса. Мы были на дальнем конце мейденхедского ипподрома, примерно за полмили от финишного столба. У меня не было надежды обогнать Билла.

Февральский туман становился все гуще. Трудно было различить что-нибудь дальше следующего препятствия, и окружающая нас молчаливая белизна, казалось, замыкала всю вереницу скачущих всадников в каком-то нереальном пространстве между небом и землей. Единственной реальностью была скорость. Финишный столб, толпа людей, трибуны и распорядители были невидимыми за завесой тумана где-то впереди, но на расстоянии, составлявшем почти половину скакового круга, трудно было поверить в их существование.

Я находился в таинственном отрешенном мире, где могло произойти все, что угодно. И произошло.

Мы вошли в последний поворот и готовились взять следующее препятствие. Билл скакал на добрых десять корпусов впереди меня и других жокеев; он не напрягался, он редко это делал.

Служитель, дежуривший у следующего барьера, пересек дорожку с поля на бровку, на ходу провел рукой по верхней березовой жерди и нырнул под канат. Билл оглянулся через плечо, и я увидел, как блеснули у него в улыбке зубы, когда он убедился, что я далеко позади. Потом он снова повернул голову к препятствию и рассчитал расстояние.

Адмирал великолепно взял барьер. Он взмыл над ним, словно доказывая, что летать могут не только птицы.

И упал.

Пораженный, я увидел стремительное мелькание черных ног, колющих по воздуху, когда лошадь проделала сальго-мортале. Я увидел на мгновение фигуру Билла в его ярком костюме, падающую вниз головой с самой высокой точки траектории, и услышал удар, когда Адмирал рухнул на землю позади него.

Автоматически я отклонился вправо и послал мою лошадь через препятствие. Уже в воздухе, пролетая над барьером, я кинул взгляд на Билла. Он лежал, раскинувшись на земле, вытянув одну руку, глаза его были закрыты. Адмирал упал всей тяжестью на живот Билла и теперь перекатывался взад и вперед в отчаянной попытке встать на ноги.

На какое-то мгновение у меня мелькнула мысль, что под нами было что-то, чего не должно там быть. Но я скакал слишком быстро, чтобы разглядеть, что именно.

Когда моя лошадь миновала препятствие, я почувствовал себя так отвратительно, как если бы сам получил удар в живот. В этом падении была какая-то странность, которая невольно навела на мысль о преступлении.

Я оглянулся через плечо. Адмиралу удалось наконец подняться, и он скакал легким галопом по ипподрому. Дежурный служитель подошел и наклонился над Биллом, неподвижно лежавшим на земле. Я вновь сосредоточился на скачке. Теперь я был первым и должен был оставаться впереди. По краю скаковой дорожки мне навстречу бежал врач «скорой помощи» в черном костю-

ме с белым шарфом. До этого он стоял у препятствия, к которому я приближался, и теперь спешил на помощь Биллу.

Взяв лошадь в шенкеля, я послал ее через следующие три препятствия, но это уже не имело для меня никакого значения, и, когда я появился как победитель на виду у переполненных трибун, шум разочарованных возгласов, встретивший меня, показался мне вполне заслуженным приветствием. Я проскакал мимо финишного столба, похлопал лошадь по шее и взглянул на трибуны. Большинство голов было повернуто к самому дальнему препятствию — зрители пытались разглядеть в непроницаемом тумане Адмирала, беспорного фаворита, который впервые за два года не пришел победителем.

Даже симпатичная женщина, миссис Мервин, на лошади которой я скакал, встретила меня вопросом:

— Что случилось с Адмиралом?

— Он упал, — сказал я.

— До чего удачно! — воскликнула она и засмеялась.

Она взяла свою лошадь под уздцы и повела ее в паддок, где расседывали победителей. Там я спрыгнул с седла и стал отстегивать пряжки подпруги пальцами, дрожащими от пережитого потрясения. Хозяйка похлопывала лошадь по морде и болтала о том, как она рада неожиданному выигрышу, какое счастье, что Адмирал споткнулся, ну просто для разнообразия, хотя, с другой стороны, конечно, его очень жаль. Я кивал, улыбался и не отвечал, потому что, если бы я ответил что-нибудь, это было бы нечто весьма нелюбезное. «Пусть себе радуется своему выигрышу, — подумал я. — Такое бывает не часто, а с Биллом, может быть, ничего и не случилось».

Я снял седло и, оставив миссис Мервин принимать поздравления, протолкался в весовую. Я уселся на весы, был признан соответствующим норме и, пройдя в раздевалку, положил на скамью свои вещи.

Клем, гардеробщик, присматривавший за моими вещами, дошел ко мне. Это был маленький, очень чистенький и аккуратный старичок с обветренным лицом и руками, на которых жилы выступали, как туго натянутые веревки. Он поднял мое седло и ласково погладил его. Я подумал, что это стало у него привычкой. Он гладил седло, как другой погладил бы щеку красивой девушки, наслаждаясь мягкостью и нежностью кожи.

— Хорошо скакали, сэр, — сказал он, но вид у него был не слишком радостный.

Я не хотел, чтобы меня поздравляли. Я отрывисто проговорил:

— Должен был выиграть Адмирал.

— Он упал? — спросил Клем встревоженно.

— Да, — ответил я.

— Майор Дэвидсон в порядке, сэр? — спросил Клем. Я знал, что он обслуживал и Билла тоже, он считал его чем-то вроде младшего божества.

— Не знаю, — ответил я. Но я знал, что лука седла угодила Биллу прямо в живот всей тяжестью лошади, упавшей на него. «Какие могут быть шансы у бедняги?» — подумал я.

Я накинул меховую куртку и пошел в пункт первой помощи. Жена Билла стояла возле закрытой двери. Бледная, дрожащая, Сцилла изо всех сил старалась не поддаваться отчаянию. Ее маленькую стройную фигуру облегалo пунцовое платье, а на темном облаке кудрей красовалась норковая шапочка. Сцилла была одета для праздника, а не для траура.

— Алан, — проговорила она с облегчением, увидев меня. — Доктора осматривают его и просили меня подождать. Как ты думаешь, ему очень плохо? — Она словно умоляла меня, а мне нечего было ей ответить. Я обнял ее за плечи.

Сцилла спросила, видел ли я, как Билл упал. Я ответил, что Билл ударился головой и, должно быть, получил легкое сотрясение мозга.

Дверь открылась, к нам вышел высокий, стройный, холеный человек. Это был доктор.

— Вы миссис Дэвидсон? — спросил он Сциллу. Она кивнула. — Боюсь, что вашего мужа придется отправить в больницу, — сказал он. — Было бы неразумно отпустить его домой, не сделав рентгеновский снимок.

Он ободряюще улыбнулся, и я почувствовал, что напряжение Сциллы несколько улеглось.

— Можно мне видеть его? — спросила она.

Доктор заколебался.

— Можно, — ответил он наконец, — но ваш муж без сознания. Он слегка ударился. Головой. Так что не следует его беспокоить.

Когда я хотел пройти вслед за Сциллой, доктор остановил меня, положив мне руку на плечо.

— Вы мистер Йорк, верно? — спросил он. За день до этого он давал мне больничный листок, я тогда слегка приложился.

— Да.

— Вы хорошо знаете эту пару?

— Да. Я почти постоянно живу у них.

Доктор в раздумье сжал губы. Потом он сказал:

— Дело плохо. Сотрясение не главное, у него внутреннее кровоизлияние, похоже — разрыв селезенки. Я звонил в больницу, чтобы там все подготовили для операции.

Пока он говорил, пришла «скорая помощь». Машина двинулась на нас задним ходом. Из нее выскочили санитары, открыли дверь, вытащили носилки и бросились в помещение медпункта. Доктор пошел следом за ними. Вскоре они опять появились, с Биллом на носилках. Сцилла шла позади, на лице у нее была глубокая тревога.

Обычно такое решительное, насмешливое, загорелое лицо Билла сейчас было безжизненным, голубовато-белым, покрытым мелкими каплями пота. Он слабо дышал раскрытым ртом, и его руки беспокойно теребили покрывавшее его одеяло. На нем все еще был его яркий жокейский камзол, и это выглядело особенно жутко.

Сцилла сказала мне:

— Я еду вместе с ним. Ты можешь приехать в больницу?

— Мне нужно участвовать еще в последнем заезде, — сказал я, — а сразу после этого я приеду. Не волнуйся, все обойдется. — Но сам я не верил этому. И она не верила тоже.

Когда они уехали, я мимо весовой, через парк вышел на берег реки. Вздущаяся от растаявшего снега Темза, коричнево-рыжая и серая от гребешков белой пены, вырывалась из тумана в ста ярдах справа от меня, пенилась, огибая излучину, на которой я стоял, и снова исчезала в тумане. Туман и неизвестность ждали ее впереди. В этом мы были с ней похожи.

Потому что в несчастном случае с Биллом было что-то не так.

В Булавайо, где я учился в школе, наш математик тратил много часов — я считал даже, что слишком много, — приучая нас делать правильные выводы из минимума данных. Дедуктивный

метод — его хобби — он перенес в свою профессию, и нам иногда удавалось с вопросов алгебры и геометрии свернуть его на дела Шерлока Холмса. Он воспитывал класс за классом, в которых ребята проявляли острую наблюдательность, замечая, как именно снашиваются носки башмаков у поденниц и как у викариев и какие мозоли характерны для арфистов. При этом школа славилась успехами в математике.

Теперь, отделенный тысячами миль и семью годами от раскаленной солнцем классной комнаты в далеком Булавайо и чувствуя, что замерзаю в английском тумане, я вспомнил о своем учителе математики и, мысленно перебрав имеющиеся у меня факты, принялся их анализировать.

Дано: Адмирал, великолепный прыгун, упал на полном скаку без всякой видимой причины. Служитель ипподрома, перед тем как мы с Биллом подоспели к препятствию, пересек скаковую дорожку позади забора, но в этом не было ничего необычного. А когда я взял препятствие и, обернувшись, взглянул на Билла, где-то на самой границе моего поля зрения блеснул тусклым, влажным блеском какой-то металлический предмет.

Я долго думал об этом предмете.

Вывод напрашивался совершенно ясный, но невероятный. Я должен был выяснить правильность этого вывода.

Я вернулся в весовую, чтобы взять свои вещи и взвеситься перед последним заездом, но, когда я стал подкладывать в одежду свинцовые пластинки, чтобы привести мой вес к норме, по радио объявили, что ввиду сгустившегося тумана последний заезд отменяется.

В раздевалке поднялась суета. Чай и фруктовые пирожные стали исчезать с молниеносной быстротой. Прошло уже много времени после завтрака, и я, переодеваясь, тоже затолкал в рот пару бутербродов с говядиной. Я договорился с Клемом, чтобы он отправил мой чемоданчик в Пламpton, где мне предстояло скакать через четыре дня, а сам отправился на неприятную прогулку. Мне хотелось взглянуть вблизи на то место, где упал Билл.

От трибун до последнего поворота на мейденхедском ипподроме неблизкий путь, и, пока я шел, мои ботинки, носки и брюки насквозь промокли в высокой сырой траве. Было очень холодно, стоял туман. Вокруг не было ни души.

Я подошел к забору, сделанному из вертикально поставленных березовых кольев. Трехдюймовой толщины у основания, они были в два раза тоньше у вершины, высотой в четыре фута и шесть дюймов, ширина забора — около десяти ярдов. Обычное легкое препятствие.

Я тщательно осмотрел ту сторону забора, где лошади приземлялись. Ничего особенного. Я вернулся туда, откуда они прыгали. Ничего.

Я взглянул под боковой откос барьера, у бровки, туда, где скакал Билл, когда упал. Опять ничего. И только под другим откосом, что дальше от бровки, я увидел то, что искал: в высокой траве, наполовину спрятанное от глаз, покрытое каплями влаги, свернутое, смертоносное.

Проволока.

Порядочный кусок тускло-серебристой проволоки, свернутой в кольцо примерно в фут диаметром, придавленной к земле обрубком дерева. Один конец проволоки тянулся к несущему столбу забора и был закреплен на два фута над препятствием. Закреплен, как я увидел, очень надежно, открутить его голыми пальцами я не смог.

Я вернулся к боковому откосу и осмотрел столб. На два фута выше препятствия в дереве столба был желобок. Этот столб когда-то побелили, и отметка виднелась отчетливо.

Мне стало ясно, что только один человек мог натянуть проволоку — служитель ипподрома, дежуривший у этого препятствия. Человек, которого я видел, когда он пересекал скаковую дорожку. «Человек, — подумал я с горечью, — которого я оставил, чтобы он помог Биллу».

На трехмильной скачке с препятствиями в Мейденхеде надо проехать два круга. В первый раз у этого препятствия все было в норме, ничего из ряда вон выходящего. Девять лошадей спокойно перепрыгнули через него, причем Билл скакал третьим, сберегая силы для финального броска, а я рядом с ним: я еще сказал ему, до чего мне не нравится английский климат.

А потом был второй круг. Адмирал скакал на несколько корпусов впереди. Как только служитель увидел, что Билл взял предыдущее препятствие, он, должно быть, и пересек дорожку; свободный конец проволоки он держал в руке и, обкрутив его во-

круг противоположного столба, туго натянул точно в двух футах над препятствием. На этой высоте хорошо прыгавший Адмирал должен был налететь на проволоку грудью.

Эта чудовищная жестокость наполнила меня гневом, которому суждено было, хотя я тогда этого еще не знал, прищипоривать меня не одну неделю.

Порвала ли лошадь проволоку, когда налетела на нее, или просто стащила ее со столба? Этого я не мог сказать. Но поскольку я не нашел отдельных кусков, а кольцо проволоки, лежавшее у внешнего столба, было целым, я подумал, что лошадь, падая, стащила за собой вниз ее незакрепленный конец. Ни одна из семи лошадей, скакавших за мной, не упала — так же как и моя лошадь. Все беспрепятственно перепрыгнули через остатки этой западни.

Если только служитель, дежуривший у препятствия, не сумасшедший — а эту возможность тоже нельзя было исключить, — тут было преднамеренное покушение на определенную лошадь под определенным жокеем. Билл обычно на этом этапе скачки вырывался вперед на несколько корпусов, а его красно-зеленую форму было хорошо видно даже в туманный день.

Встревоженный, я отправился обратно. Смеркалось. Я пробыл у забора дольше, чем планировал, и, когда я подошел к весовой, чтобы рассказать управляющему ипподромом о проволоке, оказалось, что все, кроме сторожа, уже ушли.

Сторож, старый желчный человек, вечно посасывающий больной зуб, сказал, что не знает, где можно найти управляющего. Администратор пять минут назад уехал в город. Куда он поехал и когда вернется, сторож не знал и, ворча, что ему еще надо присмотреть за пятью топками в котельной и что туман вреден для бронхита, волоча ноги, озабоченно направился к темневшей в тумане громаде главных трибун.

В нерешительности я проводил его глазами. Я знал, что должен сказать о проволоке кому-то имеющему власть. Распорядители, присутствовавшие на скачках, были уже на пути домой. Администратор уехал. Секретарь заперся в конторе ипподрома, как я узнал позже. У меня заняло бы много времени найти кого-нибудь из них, убедить их вернуться на ипподром, проехать в темноте по неровному покрытию скаковой дорожки. А после этого

начались бы догадки, повторения, показания... Прошло бы много времени, прежде чем я смог бы уйти отсюда.

А в эти минуты Билл боролся за жизнь в мейденхедской больнице, и мне отчаянно нужно было знать, побеждает ли он в этой борьбе. Сцилла не находила себе места от беспокойства, а ведь я обещал ей прийти, как только смогу. Я и так задержался слишком долго. Я подумал: проволока, скрытая туманом, надежно прикрученная к столбу, подождет до утра. А Билл мог и не дожждаться.

«Ягуар» Билла одиноко ждал на стоянке. Я забрался в него, включил фары и выехал на дорогу. У ворот я свернул налево, осторожно проехал две мили, еще раз свернул налево, миновал мост, долго кружил по улицам, так как в Мейденхеде везде одностороннее движение, и наконец нашел больницу.

В ярко освещенном вестибюле Сциллы не было. Я спросил о ней у дежурного.

— Миссис Дэвидсон? У которой муж жокей? Она в комнате для посетителей. Четвертая дверь налево.

Я нашел ее. Ее темные глаза казались огромными из-за серых теней под ними. Никаких других красок на ее лице не оставалось, и свою легкомысленную шляпку она сняла.

— Ну как он? — спросил я.

— Не знаю. Они твердят мне только, чтобы я не волновалась.

Сцилла была готова расплакаться. Я сел рядом и взял ее за руку.

— С тобой мне спокойнее, Алан, — сказала она.

Дверь отворилась, и вошел молодой белокурый доктор. Стетоскоп болтался у него на шее.

— Миссис Дэвидсон... — Он помялся. — Я полагаю... Вам бы следовало побыть с вашим супругом.

— Как он?

— Плохо. Мы делаем все, что можем.

Повернувшись ко мне, он спросил:

— А вы кто — родственник?

— Друг. Я отвезу миссис Дэвидсон домой.

— Понятно, — сказал он. — Вы подождете или зайдете попозже? — Его осторожный голос, неопределенные слова могли означать только одно. Я взгляделся в его лицо и понял, что Билл умирает.

— Я подожду.

— Хорошо.

Я ждал четыре часа, я детально изучил узоры на портьерах и все щели в линолеуме. Больше всего я думал о проволоке.

Наконец вошла медсестра. Серьезная, молодая, красивая.

— Я очень, очень сожалею. Майор Дэвидсон умер.

Потом она сказала, что миссис Дэвидсон хотела бы, чтобы я вошел и посмотрел на него, и предложила мне следовать за ней.

Медсестра провела меня по длинному коридору в небольшую белую палату, где Сцилла сидела у единственной в комнате кровати. Сцилла только подняла на меня глаза, говорить она не могла.

Билл лежал там, серый, неподвижный, безжизненный Билл. Лучший друг, которого мог бы пожелать себе человек.

ГЛАВА 2

На следующий день рано утром я отвез Сциллу, просидевшую над телом всю ночь, обессиленную и накачанную снотворным, домой в Котсуолд. Дети встретили ее на пороге, у них были испуганные лица и округлившиеся глаза. Позади них стояла Джоан, проворная и умелая девушка, которая присматривала за детьми. Я с вечера сообщил ей обо всем по телефону.

Здесь, на ступеньках, Сцилла села и зарыдала. Дети опустились на колени возле нее, стали обнимать и утешать в горе, которое они не могли еще полностью осознать.

Потом Сцилла поднялась в свою спальню. Я задвинул занавески, укрыл ее одеялом и поцеловал в щеку. Она была вконец измучена и немедленно уснула. Я надеялся, что она проснется не скоро.

Я пошел в свою комнату и переоделся. Внизу, в кухне, Джоан приготовила мне кофе, яичницу с беконом и горячие пышки. Я дал детям по плитке шоколада, который купил для них прошлым утром (казалось, оно было бесконечно давно, это утро), и они сидели рядом со мной, грызя шоколад, пока я завтракал. Джоан налила кофе и себе.

— Алан, — начал Уильям, самый младший. Ему было пять лет, и он никогда не продолжал разговор, если ему не отвечали «да» в знак того, что его слушают.

— Да, — сказал я.

— Что случилось с папой?

Я рассказал им. Обо всем, кроме проволоки.

Некоторое время они молчали. Потом Генри, которому как раз сравнялось восемь, спокойно спросил:

— Его похоронят или сожгут?

И прежде чем я успел ответить, он и его старшая сестра Полли принялись горячо и с удивительным знанием дела обсуждать, что лучше — захоронение или кремация. Я пришел в ужас, но в то же время почувствовал облегчение, а Джоан, перехватив мой взгляд, еле сдержалась, чтобы не хмыкнуть.

Эта бессознательная детская черствость занимала мои мысли, пока я возвращался в Мейденхед. Я поставил автомобиль Билла в гараж и вывел оттуда мой маленький темно-синий «лотос». Туман полностью рассеялся, но я все равно двигался очень медленно по сравнению с тем, как езжу обычно, и все обдумывал, что же мне делать.

Сперва я поехал в больницу. Я забрал вещи Билла, подписал какие-то бланки, сделал необходимые распоряжения. Полагающееся по закону вскрытие назначили на следующий день.

Было воскресенье. Я поехал на ипподром, но ворота оказались заперты. Я вернулся в город. Контора ипподрома была пуста и тоже заперта. Я позвонил управляющему домой, но там никто не снимал трубку.

После некоторого колебания я позвонил председателю Национального комитета конного спорта, решив обратиться в самую высокую инстанцию, которой подведомственны скачки с препятствиями. Дворецкий сэра Кресвелла Стампа ответил, что узнает, может ли сэр Кресвелл уделить мне несколько минут. Я сказал, что это чрезвычайно важное дело. Тогда сэр Кресвелл взял трубку.

— Надеюсь, дело действительно очень важное, мистер Йорк, — сказал он. — Вы оторвали меня от обеда с друзьями.

— Вы слышали, сэр, что майор Дэвидсон умер вчера вечером?

— Да, я очень этим огорчен, право, очень огорчен. — Он ждал, что я скажу дальше.

Я набрал в грудь побольше воздуха.

— Его падение — вовсе не несчастный случай, — сказал я.

— Что это значит?

— Лошадь майора Дэвидсона была сбита. Проволокой, — сказал я.

Я рассказал ему о своих поисках у забора и о том, что я нашел там.

— Вы известили об этом мистера Дэйса? — спросил Кресвелл.

Дэйс был управляющим ипподромом.

Я объяснил, что не мог его найти.

— И звоните мне? Понятно. — Он помолчал. — Ну что ж, мистер Йорк, если вы правы, это слишком серьезное дело, чтобы им занимался только Национальный комитет конного спорта. Я полагаю, вам следует немедленно известить полицию в Мейденхеде. И непременно держите меня в курсе дела. До вечера. Я попытаюсь связаться с мистером Дэйсом.

Я повесил трубку. Я понял, что ответственность переложена на чужие плечи. Я представлял себе, как стынет на тарелке у сэра Кресвелла соус к его ростбифу, пока он заставляет гудеть телефонные провода.

Полицейский участок на пустой воскресной улице выглядел темным, пыльным и неприятным. Я вошел. За барьером стояли три стола, за одним из них молодой констебль уткнулся в воскресное приложение к какой-то газете. «Должно быть, детективом зачитался», — подумал я.

— Чем могу быть полезен, сэр? — спросил он, поднимаясь.

— Есть тут еще кто-нибудь? — спросил я. — То есть я хотел сказать, старший чином. Речь идет об убийстве.

— Одну минуту, сэр. — Он исчез за дверью в глубине комнаты и, тут же вернувшись, сказал: — Пройдите сюда, пожалуйста.

Он посторонился, пропуская меня, и закрыл за мной дверь.

Человек, поднявшийся мне навстречу, был, пожалуй, маловат для полицейского. Коренастый крепыш, лет под сорок. У него были темные волосы. Он выглядел скорее воином, чем мыслителем, но, как я впоследствии убедился, это было поверхностное впечатление. На его столе были разбросаны газеты и толстые юридические справочники. В кабинете стояла духота от газовой горелки, пепельница была полна окурков. Он тоже проводил воскресенье за чтением, правда — с пользой для дела.

— Добрый день. Я инспектор Лодж, — сказал он, показывая на стул напротив письменного стола. Он тоже сел и принялся

складывать газеты в аккуратные стопки. — Вы пришли по поводу убийства? — Мои слова, когда он повторил их, прозвучали очень глупо, но он говорил весьма деловым тоном.

— Речь идет о майоре Дэвидсоне, — начал я.

— Да, у нас есть рапорт об этом. Он умер в госпитале ночью после падения на скачках.

— Это падение было подстроено, — выпалил я.

Инспектор Лодж посмотрел на меня внимательным взглядом, потом достал из ящика лист бумаги, отвинтил колпачок «вечной» ручки и написал дату и время. Аккуратный человек.

— Я думаю, надо вернуться к началу, — проговорил он. — Ваше имя?

— Алан Йорк.

— Возраст?

— Двадцать четыре года.

— Адрес?

Я назвал адрес, сказал, чья это квартира, и объяснил, что живу в основном там.

— А ваше настоящее местожительство?

— Южная Родезия, — ответил я. — Скотоводческая ферма близ деревни под названием Индума, около пятнадцати миль от Булавайо.

— Род занятий?

— Представляю отца в его лондонской конторе.

— А чем занимается ваш отец?

— Собственное дело. Торговая компания «Бэйли Йорк».

— Чем вы торгуете? — поинтересовался Лодж.

— Медь, свинец, скот. Чем попало и всем на свете. Вообще-то, мы транспортная фирма.

Он записал все это быстрым четким почерком.

— Ну а теперь, — сказал он, положив перо, — выкладывайте, в чем дело.

— В чем дело, я не знаю, а произошло вот что...

Я выложил ему все, что знал. Он слушал не перебивая, потом спросил:

— Что же вас заставило думать, что это не обычное падение?

— Адмирал — самый умелый прыгун на свете. У него ноги гибкие, как кошачьи лапы. Он не делает ошибок в прыжке.

По вежливо-удивленному выражению лица инспектора я понял, что он очень мало знает, если вообще знает что-нибудь, о скачках с препятствиями и, наверное, думает, что упасть может любая лошадь.

Я попытался еще раз убедить его:

— Адмирал блестяще берет препятствия. Он ни за что не упал бы вот так, этот забор — пустяк для него, он сам рассчитывал темп, его никто не подгонял. Он отлично поднялся в воздух, я сам видел. Его падение было неестественным. Для меня оно выглядело так, словно что-то было подстроено, чтобы свалить его. Я подумал, что это может быть проволока. И я вернулся, чтобы найти ее, и я ее нашел. Вот и все.

— Гм. А эта лошадь должна была выиграть заезд?

— Безусловно.

— А кто выиграл на самом деле?

— Я.

Лодж помолчал, покусывая кончик своей авторучки.

— Как принимают на работу служителей на скачках? Есть определенный порядок? — спросил он.

— Точно не знаю. Это народ случайный, их, кажется, берут на один раз, — ответил я.

— А с какой целью такой человек стал бы вредить майору Дэвидсону? — спросил он с наивным видом.

Я пристально посмотрел на него.

— Что же, вы думаете, я все это сочинил? — спросил я.

— Да нет. — Он вздохнул. — Этого я, честное слово, не думаю. Вероятно, следовало бы поставить вопрос так: трудно было бы кому-то, кто хотел повредить майору Дэвидсону, получить работу служителя на скачках?

— Легче легкого, — ответил я.

— Мы должны будем это выяснить. — Он задумался. — Это очень удобный способ убить человека.

— Тот, кто это устроил, не собирался убивать его, — произнес я решительно.

— Почему нет?

— Потому что меньше всего было шансов за то, что майор Дэвидсон разобьется насмерть. Я бы сказал, что это задумывалось для того, чтобы он не смог выиграть скачку.

— При таком падении — и мало шансов разбиться? А мне казалось, что это очень опасно, — сказал Лодж.

Я ответил:

— Те, кто это подстроил, хотели выбить его из седла, как мне кажется. Обычно, если ваша лошадь скачет быстро и сильно задевает барьер, когда вы этого не ждете, вас выбрасывает из седла. Вы летите по воздуху и приземляетесь далеко впереди от того места, куда падает лошадь. Это может закончиться для вас серьезной травмой, да, но редко приводит к смерти. Билл Дэвидсон не полетел вперед. Может быть, он застрял в стремени носком сапога, хотя и это маловероятно. Может быть, он тоже зацепился за проволоку и она задержала его. Он упал отвесно вниз, и его лошадь грохнулась прямо на него. Но даже тогда это чистая случайность, что лука седла угодила ему прямо в живот. Такое нарочно не подстроишь.

— Понимаю. Вы, кажется, много размышляли на этот счет.

— Да. — По ассоциации мне пришли на память узоры на портъерах и на коричневом линолеуме в больничной комнате для ожидания.

— А вы не думали, кому могло быть выгодно повредить майору Дэвидсону? — спросил Лодж.

— Нет, — ответил я, — его все любили.

Лодж встал и потянулся.

— Пойдемте посмотрим на вашу проволоку, — сказал он и высунул голову в приемную. — Райт, поищите Гокинса и скажите, что мне нужна машина, если она на месте.

Машина была на месте. Гокинс (так я подумал) сидел за рулем, я опустился на заднее сиденье рядом с Лоджем. Вскоре мы уже были на месте. Главные ворота ипподрома были все еще закрыты, но, как я убедился, имелись и другие способы проникнуть за ограду. Полицейский ключ открыл неприметные ворота в деревянном заборе.

— Это на случай пожара, — пояснил Лодж, перехватив мой удивленный взгляд.

В конторе ипподрома было пусто, администратор отсутствовал. Гокинс поехал через круг поперек ипподрома к самому дальнему препятствию. Нас здорово трясло на неровной почве. Гокинс подкатил вплотную к откосу барьера у бровки, и мы с Лоджем вылезли из машины.

Я пошел вдоль барьера к противоположному откосу.

— Проволока там, — сказал я.

Но я ошибся.

Был столб, был откос, была высокая трава, был барьер из березовых кольев. Но не было мотка проволоки.

— Вы уверены, что это то самое препятствие? — спросил Лодж.

— Уверен, — ответил я.

Мы стояли, глядя на пространство круга, лежавшее перед нами. Мы были на самом дальнем конце ипподрома, и трибуны на этом расстоянии казались неясной громадой. Барьер, у которого мы остановились, был единственным на короткой прямой между двумя изгибами скаковой дорожки, и ближайшее к нам препятствие находилось в трехстах ярдах слева за отлогой дугой.

— Вы берете вон то препятствие, — пояснил я, указывая налево, — потом перед вами длинный пробег вот до этого. — Я хлопал по барьеру рядом с нами. — Потом, когда вы перескочили это препятствие, через двадцать ярдов крутой поворот перед новой прямой. Следующее препятствие расположено на этой прямой несколько дальше, чтобы перед прыжком дать возможность лошади восстановить равновесие после крутого поворота. Это хороший ипподром.

— А вы не могли ошибиться в тумане?

— Нет. Это тот самый барьер.

Лодж сказал:

— Ладно. Посмотрим поближе.

Однако все, что мы увидели, — это неглубокий желобок на когда-то побеленном внутреннем столбе и более глубокий — на наружном столбе, где проволока впивалась в дерево. К обоим желобкам нужно было присмотреться, иначе их можно было не заметить. Оба находились на одной высоте — шесть футов и шесть дюймов над землей.

— Право, это очень убедительно, — сказал Лодж.

Мы возвратились в Мейденхед в молчании. Я был расстроен, чувствуя, что сваял дурака. Теперь я понял, что после того, как нашел проволоку, должен был взять туда с собой кого-нибудь — кого угодно, хотя бы сторожа. Человек, видевший — пусть в темноте и в тумане, — что проволока прикреплена к барьеру, если бы даже он не мог показать под присягой, на каком именно барь-

ере он ее видел, это было бы все-таки лучше, чем полное отсутствие свидетелей. Я попытался утешить себя мыслью, что злоумышленник мог вернуться к барьеру с кусачками в то время, как я шел к трибунам, и я все равно запоздал бы со своими свидетелями.

Из мейденхедского полицейского участка я позвонил сэру Кресвеллу Стампу. На этот раз я оторвал его, как мне было сказано, от поджаренных сдобных булочек. Новость, что проволока исчезла, ему тоже не понравилась.

— Вы должны были сразу захватить какого-нибудь свидетеля. Сфотографировать проволоку. Сохранить ее. Мы не можем начинать дело, не имея доказательств. И потом, как это у вас не хватило здравого смысла действовать побыстрее? Вы очень безответственны, мистер Йорк. — И, добавив еще несколько любезностей, он повесил трубку.

Подавленный, я возвратился домой.

Я осторожно заглянул в комнату Сциллы. Там было темно, и я слышал ее ровное дыхание. Она все еще крепко спала.

Внизу на ковре у камина Джоан играла с детьми в покер. Я научил их покеру как-то в дождливый день, когда ребятам надоело играть в снап и рамми и они ссорились и капризничали. Покер, таинственная игра ковбоев из кинобоевиков о Диком Западе, сделал чудо. Через пару недель Генри превратился в такого мастера, с которым сядешь играть во второй раз, только хорошо подумав. Его острый как бритва математически точный ум фиксировал малейшие подробности рубашки каждой карты: у него была невероятная зрительная память. А когда он принимал слегка удивленный вид, рассчитывая ввести партнера в заблуждение, многие ничего не подозревающие взрослые попадались в ловушку. Я восхищался Генри. Он мог одурачить и ангела.

Полли играла достаточно хорошо, и я был уверен, что в обычной компании она не будет постоянно проигрывать. Даже маленький Уильям мог отличить флеш от фулла.

Они играли уже давно, и гора фишек перед Генри была втрое больше, чем у остальных.

Полли сказала:

— Генри выиграл все фишки, и нам пришлось их опять поделить и начать игру сначала.

Генри усмехнулся. Карты были для него открытой книгой, и он умел читать ее.

Я взял у Генри десять фишек и сел играть с ними. Джоан сдавала. Она дала мне пару пятерок, и я вытащил еще одну. Генри сбросил две карты и взял две другие, вид у него был довольный. Остальные сбросили все карты. Тогда я смело присоединил еще две фишки к двум, которые уже лежали на столе.

— Поднимаю на две фишки, — сказал я.

Генри взглянул на меня, убедился, что я серьезен, и стал отчаянно притворяться, будто он в нерешительности, вздыхал и барабанил пальцами по столу. Зная его манеру блефовать, я понял, что у него на руках блестящая комбинация и он изобретает, как бы вытянуть из меня побольше.

— Еще на одну, — сказал он.

Я собирался было добавить еще две фишки, но вовремя остановился.

— Нет, Генри, ничего у тебя не выйдет на этот раз! — Я сбросил карты и подвинул к нему выигранные им четыре фишки. — На этот раз ты получишь только четыре, и ни одной больше!

— А что у тебя было, Алан? — спросила Полли и, перевернув мои карты, увидела три пятерки.

Генри усмехнулся. Он даже не пытался помешать Полли посмотреть его карты. У него была пара королей. Всего-навсего пара!

— На этот раз я тебя поймал, Алан, — сказал он, очень довольный.

Уильям и Полли застонали.

Мы продолжали играть, пока я не восстановил свою репутацию и не отыграл у Генри солидное количество фишек. Потом пришло время детям ложиться спать, и я пошел к Сцилле.

Она проснулась и лежала в темноте.

— Входи, Алан.

Я вошел и зажег лампу у ее кровати. Первый шок у нее прошел, она выглядела спокойной и смирившейся с неизбежным.

— Хочешь есть? — спросил я. Она ничего не ела со вчерашнего обеда.

— А ты знаешь, Алан, хочу, — сказала она, словно удивляясь сама себе.

Я сошел вниз, помог Джоан приготовить ужин и отнес его Сцилле. Мы ели, и она, опираясь на подушки, одна в большой постели, стала рассказывать об их первой встрече с Биллом, о том, как они проводили время, сколько было веселья. Ее глаза сияли от счастливых воспоминаний. Она говорила долго, все время только о нем. Я не останавливал ее до тех пор, пока у нее не стали подрагивать губы. Тогда я рассказал о Генри, о его паре королей. Она улыбнулась и немного успокоилась.

Мне очень хотелось спросить ее, не было ли у Билла в последние недели неприятностей, не угрожал ли ему кто-нибудь, но я подумал, что сейчас не время для расспросов. Я заставил ее принять еще одну таблетку снотворного, которое мне дали для нее в больнице, погасил свет и пожелал ей спокойной ночи.

Я раздевался у себя в комнате и чувствовал, что засыпаю на ходу, усталость валила меня с ног. Я не спал больше сорока часов, и немногие из них можно было назвать спокойными. Я нырнул в постель. Это был один из тех моментов, когда окунаешься в сон, как в непередаваемое наслаждение.

Спустя полчаса Джоан разбудила меня. Она была в халате.

— Проснитесь, ради бога! Я целый час стучусь к вам!

— Что случилось?

— Вас просят к телефону. По личному делу.

— Ох нет, — простонал я. Мне казалось, что меня разбудили среди ночи. Я взглянул на часы — было одиннадцать.

Спотыкаясь, я пошел вниз, не в силах заставить себя проснуться.

— Слушаю.

— Мистер Алан Йорк?

— Да.

— Не вешайте трубку. — Что-то щелкнуло в телефоне. Я зевнул. — Мистер Йорк? У меня для вас сообщение от инспектора Лоджа из мейденхедского полицейского участка. Он хотел бы, чтобы вы зашли к нему завтра днем, в четыре часа.

— Приду, — сказал я и, повесив трубку, пошел к себе. Спать, спать, спать.

Лодж ждал меня. Он встал, пожал мне руку, указал на стул. Я сел. Теперь у него на столе не было бумаг, за исключением небольшой, в четверть листа, папки, лежавшей прямо перед ним.

За маленьким столом в углу, у меня за спиной, сидел констебль в форме. Он раскрыл тетрадь, взял в руки перо, готовый стенографировать.

— У меня тут кое-какие показания, — Лодж постучал по своей папке, — о которых я хочу вам рассказать. А потом я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он раскрыл папку и вынул из нее два скрепленных вместе листа.

— Здесь показания мистера Д. Л. Дэйса, управляющего конторой ипподрома в Мейденхеде. Он сообщает, что из числа служителей ипподрома, дежуривших возле препятствий на случай необходимости в этих скачках, девять человек числятся на постоянной работе, а троих наняли специально на этот день. — Лодж отложил лист и взял следующий. — А это показания Джорджа Уоткинса, постоянного служителя на ипподроме. Он говорит, что они тянули жребий, кому какое препятствие обслуживать. У некоторых препятствий стоят по двое. В пятницу тянули жребий, как обычно. Но в субботу один из новых служащих выразил желание дежурить у самого дальнего барьера. Уоткинс говорит, что у них никто не любит это препятствие, потому что от него приходится бежать через весь круг, если хочешь сам сделать ставку между скачками. Поэтому все охотно согласилось на предложение новичка. На остальные препятствия тянули жребий.

— Как он выглядит, этот служитель? — спросил я.

— Так вы же его видели, — сказал Лодж.

— Я не разглядел его. Видел только, что это мужчина. Если бы я знал, что это будет настолько важно! У каждого препятствия стоит человек, я бы не отличил одного от другого.

— Уоткинс говорит, что он узнал бы этого человека, но описать его он не берется. Говорит, обыкновенный человек. Среднего роста, средних лет. Носит кепку, старый серый костюм и свободный макинтош.

— Это не приметы, — проронил я угрюмо.

Лодж продолжал:

— Он сказал, что его зовут Томас Кук, что сейчас он без работы, но на следующей неделе получает место, а пока перебивается случайными заработками. Очень приятный человек, без всяких

странностей, как утверждает Уоткинс. Разговаривает как лондонец, без беркширского акцента.

Лодж отложил бумагу и взял следующую.

— Это заявление Джона Рассела, служащего пункта первой помощи. Он показывает, что стоял у первого препятствия на прямой, наблюдая за тем, как лошади огибают дальнюю часть ипподрома. Он говорит, что из-за тумана ему видны были только три препятствия — то, у которого он стоял, следующее на прямой и то, у которого упал майор Дэвидсон. Предыдущее препятствие, как раз напротив него на дальней стороне ипподрома, представлялось ему неясным пятном. Он видел, как майор Дэвидсон вырвался из тумана, после того как взял предыдущее препятствие, и как он упал на следующем. Майора Дэвидсона он больше не видел, хотя лошадь его поднялась и поскакала галопом без наездника. Рассел пошел к препятствию, у которого упал майор Дэвидсон. Потом, когда вы проскакали мимо — он заметил, что вы оглядывались, — он побежал. Он нашел майора Дэвидсона лежащим на земле.

— Видел он проволоку? — спросил я поспешно.

— Нет. Я попробовал выяснить, не заметил ли он чего-нибудь необычного, не упоминая специально о проволоке. Он сказал, что ничего.

— Не видел ли он, пока бежал, как служитель сматывает проволоку?

— Я спросил его, видел ли он майора Дэвидсона или служителя, пока бежал к ним. Он сказал, что из-за крутого поворота и откоса барьера он ничего не видел, пока не приблизился вплотную. Я думаю, он бежал кругом, вдоль скаковой дорожки, вместо того чтобы срезать угол — там высокая и мокрая трава, а вдоль дорожки бежать легче.

— Понимаю, — произнес я подавленно. — А что делал служитель, когда подбежал Рассел?

— Стоял возле майора Дэвидсона и смотрел на него. Рассел говорит, что у служителя был испуганный вид. Это удивило Рассела, потому что, хотя майор Дэвидсон был оглушен, ему не показалось, что тот тяжело ранен. Он помахал белым флагом, это увидел ближайший санитар «скорой помощи» и сделал отмашку следующему — таким способом они в тумане извещают, что нужна помощь.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАВОРИТ <i>Перевод С. Болотина, Т. Сикорской</i>	5
КУРАЖ <i>Перевод Д. Прошунной</i>	241
ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР <i>Перевод М. Загота</i>	441
БУРНЫЙ ФИНИШ <i>Перевод С. Белова</i>	643